

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_56

EDN: TNSVTW

Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии

Евгения Николаевна Лагузова^{1✉}, Алина Павловна Ушакова²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. 150001, г. Ярославль, Московский проспект, д. 28

¹laguzova.e@mail.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0001-6284-0951>

²ushakowalina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8080-306X>

Аннотация. Статья посвящена описанию возможностей синтаксических фразеологизмов, построенных по модели «*Хоть* + *V_{imper!}*!», реализовывать значения неодобрения и выступать в качестве средства выражения речевой агрессии. Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, тексты современной русской литературы и средств массовой информации. Актуальность исследования обусловлена продуктивностью синтаксических фразеологизмов в современном русском языке, важностью многоаспектного описания синтаксических фразеологизмов рассматриваемой модели для определения её статуса в современном русском языке. Значимость продиктована также и целесообразностью анализа возможностей реализации значения неодобрения, способности выражения речевой агрессии на уровне синтаксиса. Представлены материалы комплексного анализа синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть*. В исследовании показано, что синтаксический фразеологизм типа «*Хоть* + *V_{imper!}*!» способен реализовывать целый диапазон значений, главенствующим среди которых является значение неодобрения. Описаны субъективно-модальные значения неодобрения, иронии синтаксических фразеологизмов с союзом *хоть* как показателей речевой агрессии. Уделяется внимание структурно-семантическим особенностям синтаксических явлений, способу выражения постоянного компонента и роли лексического наполнения переменного компонента при реализации речевой агрессии. В статье доказано, что значение синтаксических фразеологизмов определяется синтаксической структурой высказывания, а также зависит от контекста. Показано, что синтаксические фразеологизмы образуются по аналогии с лексическими фразеологизмами. Приводятся аргументы, подтверждающие способность синтаксического фразеологизма к выражению речевой агрессии. Показывается, что речевая агрессия сопутствует основным значениям, в некоторых случаях может устанавливаться только при анализе контекста. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах типа «*Хоть* + *V_{imper!}*!» выражается лексемами со сниженной стилистической окраской, закреплённым порядком следования компонентов.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм; оценка; неодобрение; ирония; речевая агрессия; акциональные глаголы; союз *хоть*

Для цитирования: Лагузова Е. Н., Ушакова А. П. Синтаксические фразеологизмы со словом *хоть* как средство выражения речевой агрессии // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 56–65. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_56. <https://elibrary.ru/TNSVTW>

Russian language

Original article

Syntactic phrases with the word «хоть» as a means of expressing verbal aggression

Evgenia N. Laguzova^{1✉}, Alina P. Ushakova²

¹Doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1

²Candidate of philological sciences, associate professor, the department of the russian language, Yaroslavl higher military school of anti-aircraft defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky ave., 28

¹laguzova.e@mail.ru , <http://orcid.org/0000-0001-6284-0951>

²ushakowalina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8080-306X>

Abstract. The article describes the possibilities of syntactic phraseological units based on the model «*Хоть + V_{imper!}*» to realize the meaning of disapproval and to act as a means of expressing verbal aggression. The material for the study is the data from the National corpus of the Russian language, modern Russian literary texts and the mass media. The relevance of the study is due to the productivity of syntactic phraseological units in modern Russian, to the importance of multidimensional description of syntactic phraseological units of the model under consideration to determine its status in modern Russian. The significance is also caused by the expediency of analyzing the possibility to implement the meaning of disapproval and the ability to express verbal aggression at the syntactic level. The article presents the materials for the complex analysis of syntactic phrases with the conjunction «хоть». The study shows that a syntactic phraseological unit of the type «*Хоть + V_{imper!}*» is capable of realizing the whole range of meanings, disapproval being the dominant one among them. The authors describe subjective-modal meanings of disapproval and irony of syntactic phraseological expressions with the conjunction *хоть* as indicators of verbal aggression. The article focuses on the structural and semantic features of syntactic phenomena, on the way the constant component is expressed and on the role of the lexical content of the variable component in realizing the verbal aggression. The authors prove that the meaning of syntactic phraseological units is determined by the utterance syntactic structure and also depends on the context. It is shown that syntactic phraseological units are formed in the same way as lexical phraseological units. To support the ability of syntactic phraseology to express verbal aggression the authors give certain arguments showing that verbal aggression accompanies basic meanings, and in some cases it can be established only by analyzing the context. Verbal aggression in syntactic phraseological units of the type «*Хоть + V_{imper!}*» is expressed by lexemes with reduced stylistic coloring and a fixed order of the components.

Key words: syntactic phraseology; evaluation; disapproval; irony; verbal aggression; action verbs; conjunction «хоть»

For citation: Laguzova E. N., Ushakova A. P. Syntactic phrases with the word «хоть» as a means of expressing verbal aggression. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(1):56–65. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_56. <https://elibrary.ru/TNSVTW>

1. Введение

Состояние современного социума и негативные обстоятельства внеязыковой действительности являются причиной нарушения принятых норм ведения коммуникации, повышения эмоциональности высказываний, возникновения агрессивных речевых действий, что находит отражение в современных лингвистических исследованиях [Воронцова, 2006; Какорина, 1996; Петрова, 2011; Сковородников, 1997]. Раскрытие отрицательных характеристик объекта речи, неодобрение и обличение негативных сторон ситуации и явлений действительности находят своё отражение в синтаксических фразеологизмах. Под речевой агрессией понимается «жёсткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, 2011, с. 32].

Феномен речевой агрессии можно наблюдать на разных уровнях языка, в том числе и на уровне синтаксиса. Возможной формой проявления враждебного речевого поведения является обращение к использованию синтаксических фразеологизмов с семантикой отрицания, неодобрения

и др. Природа синтаксических фразеологизмов – устная речь, однако имитация разговорной речи, активно используемая в текстах художественных произведений и средств массовой информации, обуславливает проникновение синтаксических фразеологизмов в сферу письменной речи.

Под синтаксическими фразеологизмами понимаются фразеологизированные предложения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой, словоформы в которых связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия», построения «с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Шведова 2003; Русская грамматика II]. Синтаксическим фразеологизмам свойственны устойчивость, идиоматичность, частичная воспроизводимость, двукомпонентность, способность реализовывать модусное значение, сниженная стилистическая маркированность.

Речевая агрессия характеризуется целенаправленностью и осознанностью, в свою очередь, синтаксические фразеологизмы заключают в себе реакцию на сложившуюся ситуацию и

предназначены не для воздействия на адресата, а для выражения отношения говорящего к ситуации речи, в том числе и негативного, нередко враждебного. Оценка в синтаксических фразеологизмах и контексте имеет вербальное и невербальное воплощение. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах проявляется в лексическом наполнении синтаксической единицы и контекста, представляется имплицитно словами с ложной положительной оценкой и основывается на последовательности постоянного и переменного компонентов, на пунктуационном и интонационном оформлении высказывания.

В современных исследованиях указывается, что при агрессивном речевом поведении наблюдаются два типа коммуникативного намерения: «1) выражение негативного отношения к кому-либо или чему-либо; 2) ориентация на антидиалог, то есть на субъектно-объектный некооперативный тип общения с адресатом» [Коряковцева, 2008, с. 86]. Для синтаксических фразеологизмов характерна первая интенция, так как исследуемые построения предназначены для выражения точки зрения говорящего в ответной реплике диалога, в них заключена реакция на окружающую обстановку и суждения адресата. В связи с этим для синтаксических фразеологизмов свойственна экспрессивная и эмоциональная окрашенность, сниженная стилистическая маркированность. «Эмоциональная оценка действия, поступка, события является коммуникативной целью высказывания и составляет его диктумный смысл» [Лекант, 2012, с. 47].

2. Структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов типа «Хоть + V_{imper} »

В современном русском языке широко распространены фразеологизмы, в структуру которых включён компонент *хоть*: *хоть брось*, *хоть в петлю лезь*, *хоть волком вой*, *хоть глаз выколи*, *хоть завались*, *хоть зарежь*, *хоть караул кричи*, *хоть лопни*, *хоть разорвись*, *хоть плачь*, *хоть святых выноси*, *хоть стой*, *хоть падай*, *хоть трава не расти*, *хоть тресни*, *хоть убей*. От синтаксических фразеологизмов данные выражения отличаются воспроизводимостью, постоянный состав компонентов, строго закреплённое в языке значение. Ср.: *Нет, думаю, не буду: а ну как они меня опять привлекут по партийной линии к оперативной работе? А я этого не могу. Хоть убей, не могу. Но других недостатков у меня нет, Медяя Георгиевна*

(Л. Улицкая. Медяя и её дети); *хоть убей* ‘выражение невозможности понять, уяснить и т. п. что-либо, поверить чему-либо или сделать, выполнить что-либо’ [ФСМ, с. 487]; *Объектов среднего качества или вообще без качества среди будущих машинистов сцены, осветителей и звукооператоров было хоть отбавляй* (Л. Улицкая. Лестница Якова); *хоть отбавляй* ‘очень, слишком много’ [ФСМ, с. 299]; *Перед людьми стыдно, но перед богом хоть плачь, хоть нет – он всё знает* (Коммерсантъ, 20.05.2019); *хоть плачь* ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжёлого или безвыходного положения’ [ФСМ, с. 322]; *Продолжаю: до конца октября было солнце – бывали ясные дни et cetera – теперь же хоть лопни – ни одного светлого куса неба! И так будет до конца февраля. Ни одного хорошего дня!* (Л. Улицкая. Лестница Якова); – *Ну вот хочется ему, чтобы Ганелин оказался замешан, и хоть ты тресни!* (А. Маринина. Незапертая дверь); *хоть лопни (тресни)* ‘что ни делай, ни старайся (всё равно бесполезно, напрасно и т. п.). О бесполезности, тщетности чьих-либо усилий, стараний’ [ФСМ, с. 233] и т. п.

По формальным признакам с лексическими фразеологизмами сближаются синтаксические фразеологизмы типа «*Хоть* + V_{imper} », построенные по модели односоставного предложения и заключающие в себе постоянный компонент, представленный союзом *хоть*, и переменный компонент, выраженный императивом: *Такая наша местная реальность, на которую хоть открывай глаза, хоть закрывай – ничего не меняется* (Известия, 10.10.2013); *После дня рождения что-то накатило – хоть к мозгоправу иди.* (Коммерсантъ, 21.10.2022). Анализируемые языковые единицы заключают реакцию говорящего на ситуацию, условия коммуникации. При этом господствует негативная реакция, неодобрение, недовольство, сожаление по поводу чего-либо. Переменный компонент представлен глаголом, обозначающим действие, благодаря которому говорящий мог бы приспособиться к ситуации, изменить своё отношение к обстоятельствам речи (*открывай, закрывай, иди*).

О значении негативного отношения к нецелесообразности реальных и ирреальных действий, неодобрения называемых в предложениях действий, свидетельствует

Большой толковый словарь С. А. Кузнецова, в котором среди прочих у союза *хоть* отмечается значение безнадёжности положения, бессмысленности усилий: *Хоть весь свет обойди, такой красавицы не найдёшь* [МАС, IV, с. 622].

В БАС отмечается, что уступительный союз *хоть* в сочетании с повелительной или неопределённой формой глагола обозначает «некий предел, степень проявления чего-нибудь или допустимое следствие чего-нибудь в значении ‘так (такая), что впору, до такой степени, что’» [БАС, XVII, с. 414]. Условный союз *хоть* «выражает (с глаголами будущего времени и повелительной формой глагола) предположительное условие, в значении ‘даже если, пусть даже, в случае и’, связывает условное придаточное с главным, употребляясь в начале придаточного предложения»: *Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* [БАС, XVII, с. 416].

В ТСРЯ разграничивается собственно уступительное значение союза *хоть* и значение ‘до такой степени, что (о чём-то крайнем в своем проявлении)’, свойственное устойчивым выражениям: *Не понимает, хоть сто раз объясняй; Ничего не понимаю, хоть убей (разг.); Хоть выжми (о чём-нибудь мокром; разг.); Хоть умри, а сделай; Не соглашается, хоть умри* [ТСРЯ, с. 1071]. Действительно, в устойчивых выражениях с союзом *хоть* уступительное значение ослабляется, актуализируется семантика степени и следствия. Ср.: *Порой в ход идут такие ноу-хау, что хоть стой, хоть падай* (Комсомольская правда, 2011.05.03); *Н-да, аргументация – хоть стой, хоть падай* (А. Маринина. Незапертая дверь). Фразеологизм *хоть стой, хоть падай* имеет значение крайнего удивления, недоумения, растерянности [ТСРЯ, с. 947].

Переменный компонент синтаксических фразеологизмов представляет собой императив, подвергшийся десемантизации, в результате чего в структуре синтаксического фразеологизма при сохранении ирреальности значения глагол теряет традиционное значение побуждения к действию. Лексическое наполнение переменного компонента свободно, однако оно оказывает воздействие на содержание, смысл всего высказывания. Ср.: *Вот это красивый выход из скандала, куда дважды олимпийскую чемпионку втянуло одно СМИ, передёрнувшее её слова: «Жизнь в Волгограде такая, что хоть*

стреляйся – поэтому я уезжаю на ПМЖ в Монте-Карло» (Комсомольская правда, 2013.08.26). Ситуация представляется как не поддающаяся разрешению, единственный целесообразный выход из оцениваемой ситуации обозначен глаголом *застрелиться*, однако действие, названное говорящим, не будет выполнено, так как видится напрасным. Ср.: *Замечательная девушка Наташа из Понетаевского интерната говорит: «Я в детдоме выросла, после детдома сюда попала, до гробовой доски тут буду, вот хоть повесьте меня на этой берёзе, а никуда отсюда не пойду»* (Коммерсантъ, 2022.01.22); *Хоть три маски надень, а грузный мужчина с авоськами так и нависал всем телом надо мной, рискуя плюхнуться мне на колени!* (Комсомольская правда, 2013.02.05). Как отмечает А. В. Величко, обозначенное императивом действие представляется «самой решительной, крайней мерой, поэтому <...> называемый выход не обязательно будет принят, говорящий скорее всего не сделает того, о чём говорит, и называемое действие останется лишь декларированным, заявленным, но неосуществлённым» [Величко, 1996, с. 30]. В приведённых примерах крайняя мера подчёркивается, например, преувеличенным количеством объектов предполагаемого действия (*хоть три маски надень*).

В рассматриваемых синтаксических фразеологизмах переменный компонент представлен акциональными глаголами 1) физического действия (*Понятно, что восставшие крестьяне здесь белые и пушистые, а аристократы омерзительны настолько, что хоть сейчас веши их на фонарях* (РБК Дейли, 2014.03.13)); 2) перемещения, движения в пространстве (*Да ещё и от воды парит так – хоть ныряй* (Советский спорт, 2013.07.08)); 3) речевого действия (*Хоть криком кричи, что мы не питаемся водкой и не соседствуем с медведями – кто поверит?* (Комсомольская правда, 2013.06.25)); 4) интересубъектного действия (*Тут самое важное, чтобы эти периоды не совпали! Потому что тогда хоть разводись. Нужно позволять близким слабости и ошибки* (Комсомольская правда, 2013.08.16)); 5) донативного действия [классификация глаголов приводится по: Золотова, 1998, с. 60–61] (*Хоть закунайся потом – ничего не получишь. Теперь думцы эту несправедливость устраниют* (Комсомольская правда, 2013.04.11)).

3. Выражение речевой агрессии синтаксическими фразеологизмами типа «Хоть + V_{imper} »

Одним из слагаемых речевого поведения является категория оценки. В синтаксических фразеологизмах типа «Хоть + V_{imper} » выражается негативная оценка говорящим ситуации или предмета речи. Одним из «самых продуктивных модальных значений, „смешанных, переплетённых с оценкой”» является неодобрение. Семантика оценки, осознаваемая в оппозиции «одобрение / неодобрение», признаётся сопутствующей, недифференцированной, отвлечённой [Лекант, 2002, с. 118].

Речевая агрессия не является ключевым намерением, заключённым в форму синтаксического фразеологизма. Синтаксические фразеологизмы с союзом *хоть* возможно рассматривать как проявление речевой агрессии в связи с тем, что они выражают неодобрение обстановки, состояния предмета речи, в них признаётся плохой сложившаяся ситуация. Речевая агрессия, реализованная с помощью синтаксического фразеологизма, не имеет таких категоричных форм проявления, как ссора, угроза, ругать, оскорбление и др. Ср.: 1) *Беспечная: отправляясь в церковь, забыла про исповедь напрочь. А Маша не предупредила. Хоть разворачивайся и уходи* (Д. Гуцко. Машкин Бог); 2) *В общем, мать не прописывает, без прописки я даже мою инвалидскую пенсию получить не могу, сунуться некуда, на работу опять же без прописки не берут, хоть ложись и помирай* (Л. Улицкая. Народ избранный); 3) *Настроение – хоть вешайся* (Л. Улицкая. Народ избранный). 4) *Нет, я очень люблю делегировать всё и всем. Другое дело, что бывают люди, которые хотят только Чулпан Хаматову, хоть разбейся в лепёшку. И тогда, конечно, встаёшь и идёшь* (Коммерсантъ, 13.12.2020). В подобных построениях неодобрение связано с дополнительным модальным значением – высокой степенью проявления признака, а несогласие со сложившимся положением дел, обида, раздражение могут быть интерпретированы как речевая агрессия. В первом контексте парцелляция усиливает эмоциональность высказывания, порицание говорящим ситуации.

Неодобрение происходящего, угроза совершения крайнего действия заключается в лексическом наполнении переменного компонента: используется императив *помирай* и устойчивое выражение *разбиться в лепёшку*, имеющие просторечную стилистическую окраску, императивы

разворачивайся, уходи, вешайся, свидетельствующие о категоричности действия, высокой степени проявления критического осмысления происходящего.

В роли переменного компонента синтаксического фразеологизма могут выступать глаголы, характеризующиеся не только пометой «просторечное», но и пометой «разговорное», «бранное», «презрительное», «пренебрежительное», «уничижительное»: *Но есть места, где хоть изрежесь, всем плевать, помрёшь и помрёшь, никого не волнует* (Новая газета, 20.10.2018); – *Ну, Любка, подь ты к чертям! Тебя слушаешься – так хоть удавись...* (В. Астафьев. Обертон); *Нет, ничего не работает – хоть расшибись, а с утра всегда рычажок повернут, и полы ледяные* (lenta.ru, 11.03.2011); *Срочно, непременно, чего бы то ни стоило, кровь из носу, хоть сдохни!* (Московский комсомолец, 13.12.2018) и др. Употребление лексики, обладающей отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией, является частым показателем речевой агрессии. Ср.: *Внутри их не пустили, выставили столы наружу, дали ручки – пожалуйста, хоть обжалуйтесь!* (Новая газета, 01.09.2017); *И величия уж не осталось, да и немота преодолена – хоть заорись* (Новая газета, 16.08.2017); *В киберпространстве можно топнуть ногой, чтобы из-под земли тут же поднялись легионы хомяков, в обыкновенном пространстве хоть обтопайся, из-под земли кроме лопуха ничего не растёт* (Известия, 01.07.2013). Глаголы *обжаловаться, заораться, обтопайся* не имеют фиксации в словарях. С помощью приставки *об-*, имеющей значение достигательного способа действия и присоединяющейся к глаголу *жаловаться*, реализуется значение ‘категорично высказать полное неудовольствие по поводу несправедливости’, при присоединении к глаголу *топать* – значение ‘произвести неоднократный сильный стук ногами’. В свою очередь глагол *заораться*, выступая в качестве переменного компонента, имеет значение доведения до излишества, до крайней степени крика. Предпочтение говорящим действия, характеризующегося чрезмерностью, свидетельствует о негативной реакции на существующую конфликтную ситуацию общения.

Усиление негативного эмоционально-оценочного отношения реализуется за счёт следования друг за другом синтаксических фразеологизмов одинаковой модели. Ср.: *На вопрос, как обстоят дела с экипировкой врачей в регио-*

нах, он отвечает: «Никак. **Хоть ты тряпку на голову наматывай, хоть ведро надевай**». Бригада с начала марта ездит на вызовы в самодельных марлевых масках (Коммерсантъ, 20.04.2020); **Хоть перепишите историю, хоть все города переименуйте, сотрите эту историю. Невозможно это. Все они вернутся к себе домой. Вопрос времени** (Комсомольская правда, 03.08.2021); **Он резюмировал, что «в республике доверие к органам власти ещё раз подтверждено было этим голосованием и высокой явкой».** – **Силой никого не затащишь. Хоть кричи, хоть свет туши, хоть не знай, что делай там** (Коммерсантъ, 13.09.2019). В качестве переменного компонента используются слова, называющие действия, которые видятся напрасными при достижении цели, в связи с чем ситуация оценивается как безвыходная, что и вызывает критику говорящего. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах выражается закреплённым порядком следования компонентов и повтором однотипных синтаксических фразеологизмов. При несомненной адресованности кому-либо из участников коммуникации использование синтаксических фразеологизмов в речи не определяют намерение говорящего изменить установки адресата.

Значение нежелательности совершения действия, обусловленное ситуацией, сопровождается включением отрицания. Ср.: **Старая шерсть с меня сыплется – хоть в дом не заходи** (Э. Успенский. Дядя Фёдор, пёс и кот); **Вчера только Наталья пропылесосила всю огромную пятикомнатную квартиру, а сегодня жильё выглядит так, словно в нём год не убирались. Ковровые покрытия сочного синего и бордового цветов снова стали белёсыми и пыльными на вид. Прямо хоть окна не открывай!** (А. Маринина. Незапертая дверь).

Одним из способов выражения субъективной оценки высказывания является ироническое употребление синтаксических фразеологизмов. Под иронией понимается «стилистический оборот, фраза, слово, в которых преднамеренно утверждается противоположное тому, что думают о лице или предмете» [МАС, I, с. 675]. Иронию, как правило, связывают с отрицательной оценкой объекта речи [Ермакова, 1996, с. 49; 2002; ср., например: *ирония* ‘тонкая, скрытая насмешка’; *насмешка* ‘обидная шутка, издёвка’ [ТСРЯ, с. 305, 495]. Вместе с тем в ироническом высказывании может быть представлена в той или иной степени

положительная оценка предмета речи, действительности [см., например, в: Noailly 1997, с. 34–35]. Ср.: *Как пройдёт по ковру с видом европейской манекенщицы, виляя всеми лапками, – **хоть стой, хоть падай!*** (Э. Успенский) и т. п. Упоминание о европейской манекенщице связывается с красотой, элегантностью, достоинством. В конструкции реализуется высшая степень похвалы, нестандартный выбор объекта сравнения (собака – прекрасная девушка) вызывает иронию [Лагузова, 2016, с. 9].

Иронию, считается позволительным, рассматривать как косвенное выражение речевой агрессии, в виду того что для высказывания характерно несоответствие плана выражения плану содержания и требуется дополнительная интерпретация, основывающейся на анализе несоответствия предполагаемого действия и орудия действия: *Ему надо хорошо работать, чтобы скорее перевели на поселение, а для перевыполнения плана необходимы вот эти диски и прочее. Там, на зоне, ничего у них нет – **хоть пальцем болты закручивай*** (А. Курчаткин. Минус 173 градуса по Цельсию); *А в капюшонах которые, вот им всегда кричат – не слышат и не видят, только впереди себя. Два капюшона если встретились посреди дороги – вообще ничего не видят, **хоть дави их мусоровозом*** (М. Жванецкий. Женщины). Невыводимость значения синтаксического фразеологизма из входящих в его структуру компонентов свидетельствует о скрытой речевой агрессии, заключённой в высказывании с семантикой иронического неодобрения. Ср. также: *Вблизи он казался не просто худ, но настоящий кощей, торчали наружу все лицевые кости, – **хоть изучай анатомию*** (А. Курчаткин. Минус 173 градуса по Цельсию). Ирония реализуется в данном контексте как насмешка. В предложении представлено «явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путём доведения до абсурда самой возможности положительной оценки, осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [ЛЭ]. Критика деталей, дискредитирующих объект, свидетельствует о проявлении речевой агрессии.

Негативное отношение к предмету речи, скрывающееся под маской иронии, может быть интерпретировано при анализе контекста: *Нечего валяться, усаживайтесь, мы сейчас будем пить*

бульон со сплетнями, потому что вы и вообразить себе не можете – Курнаков завел себе новую пассию, да какую! Феерическая блондинка, бюст – **хоть стол** на двадцать две персоны **накрывай** (Степнова М. Женщины Лазаря). В представленном примере заключена неодобрительная оценка предмета речи. Говорящий заявляет своё речевое намерение (*будем пить бульон со сплетнями*), предполагающее публичное недоброжелательное высказывание, сопровождающееся выявлением негативных черт объекта и их осуждение. Речевая агрессия представлена косвенно, направлена на оцениваемый объект (феерическую блондинку), заключена в форме намеренной злой шутки, предусматривающей изменение у окружающих отношения к объекту речи.

Речевая агрессия проявляется в коммуникативном конфликте. На интерпретацию значения синтаксического фразеологизма влияют факторы неязыковой действительности. Ср.: 1) *Как написал дипломат в своём Telegram- канале, вспомнил Жванецкий: «Отрегулировал. Всё вот так – хоть не приходи, полный порядок». По словам Захаровой, американцы такую демократию в Афганистане отрегулировали, что **хоть народ вывози**, «и не приходи, всё вот так» (Российская газета, 15.07.2021); 2) *Все разговоры – про коронавирус и кризис, **хоть из окна выпрыгивай**. Так ведь нельзя без пропуска...* (Труд, 21.02.2020); 3) *Не знаю, как кто, а я так глазам своим не поверил, когда прочитал, что в больницах Москвы плановую помощь будут оказывать только привитым пациентам. Остальные – **хоть помирай?*** (Русский вестник, 02.07.2021). Представленные контексты содержат синтаксические фразеологизмы, имеющие значение иронического неодобрения, что свидетельствует о скрытой речевой агрессии. Дополнительное оценочное значение высказываниям сообщает цитирование и обращение к авторитетному мнению (контекст 1), что можно рассматривать как речевой приём манипулирования сознанием читателей. В контекстах 2, 3 речевая агрессия рассматривается как реакции на раздражающий фактор – сложившуюся в обществе обстановку, контроль за соблюдением правил, установленных для предотвращения распространения инфекции.*

Отметим, что в структуре синтаксического фразеологизма типа «*Хоть + V_{imper}*» наблюдается включение факультативных элементов (...он загорелся желанием всенепременно заполучить её и удвоил натиск: *то в кино пригласит, то пирожков с пивидлом из студенческой столовой*

*пригласит, то побитый букет гвоздик преподнесет – до того жухлый, **хоть немедленно выкидывай*** (Абгарян Н. Зулали); *Он даже хотел сделать ей замечание... Но вдруг подумал: «Да **хоть на голову себе валите, мне-то что...**»* (Гришковец Е. Шрам)), однако значение синтаксического фразеологизма остаётся стабильным, свидетельствует о системности [см. о системности идиом, например, в: Schröder 2015, с. 202] синтаксических фразеологизмов как синтаксических единиц современного русского языка.

При интерпретации текстов современных средств массовой информации особую роль играют заголовки газетных статей, по мнению исследователей, «важную и болезненную проблему современного массмедийного дискурса составляет речевая агрессивность заголовков, в частности заголовков, где используется прецедентное имя или высказывание» [Петрова, Рацибурская, 2011, с. 145]. Синтаксические фразеологизмы типа «*Хоть + V_{imper}*» и лексические фразеологизмы, по модели которых построены исследуемые нами конструкции, используются в качестве заголовков газетных статей часто в трансформированном виде. Изменению подвергается имя существительное в составе устойчивого выражения: *Хоть права не расти* (Коммерсантъ, 21.04.2021); *Хоть газ выколи* (Коммерсантъ, 29.10.2021); *Хоть ядром покати* (Коммерсантъ, 02.11.2020); *Хоть рублём покати* (Коммерсантъ, 05.02.2021). Наблюдаются примеры образования синтаксического фразеологизма путём замены императива: *Хоть святых приноси* (Коммерсантъ, 22.06.2021); *Хоть из-под земли поставь* (Коммерсантъ, 21.01.2021). Использование подобных построений создаёт комический эффект, воздействует на сознание читателя, что следует расценивать как элементы речевого манипулирования. В конструкциях усиливается авторская точка зрения, неодобрительное отношение к описываемым в статье явлениям, таким образом, трансформированные конструкции в качестве заголовка газетной статьи выполняют функцию речевого воздействия.

Речевая агрессия как проявление экспрессивности высказывания реализуется в синтаксических фразеологизмах, имеющих преимущественно восклицательную организацию конструкции: *Один знакомый лектор (из прогрессивных) жаловался мне: «На тысячу вопросов готов ответить. Есть два, которые меня смущают. **Хоть с работы увольняйся!..*** (С. Довлатов. Марш одиноких). «В предложении совмещается ин-

формативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего. Восклицательная интонация даёт говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения» [Лекант 2012, с. 47].

Негативная оценка, отрицание, порицание явлений действительности реализуется в предложениях, конечный знак которых – многоточие: 1) *Война несёт в себе удушливое ощущение смертельной тяжести, она как-то непостижимо чувствуется душой, всем естеством. Хоть закрой глаза, не выходи на улицу, не смотри в телевизор, газеты, интернет... Мне до сих пор больно смотреть даже на снимки сожжённого Крещатника* (Литературная газета, 18.06.2014); 2) *Что большее преступление: открыть для россиян этот чудо-остров, оживив его яхтенными причалами и зоной отдыха, или, наоборот, сделать Кижы местом элитарным и нетронутым, чтобы ехать туда за тишиной? Хоть референдум проводи...* (Комсомольская правда, 2013.03.19); 3) – *Ты, тётя Вася, смотри, какая здоровенная, на тебе хоть воду вози, а всё молишься...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Многоточие усиливает неявное выражение речевой агрессии, заключённой в высказывании. На месте многоточия может подразумеваться эмоционально окрашенное слово, выражение, что также может свидетельствовать об агрессивном речевом поведении. В представленных контекстах агрессия создаётся также и за счёт «перенасыщения текста негативным материалом» [Петрова, Рацибурская, 2011, с. 138].

Выводы

В современном русском языке распространены синтаксические фразеологизмы типа «Хоть + V_{imper} » со значением неодобрения, что отражает тенденцию к демократизации литературного языка, которая проявляется, в частности, в сближении устно-разговорной и письменной речи, имитации разговорной речи в речи письменной. Синтаксические фразеологизмы типа «Хоть + V_{imper} » в современном русском языке, реализуя значения негативной оценки, иронии, неодобрения и др., обладают неоспоримым потенциалом реализовывать речевую агрессию. При этом речевая агрессия не является основным значением синтаксических фразеологизмов, оно сопутствует основным значениям, может устанавливаться только при анализе контекста. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах типа «Хоть +

V_{imper} » выражается лексемами со сниженной стилистической окраской, закреплённым порядком следования компонентов.

Библиографический список

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. Москва : Знак, 2008. 656 с.
2. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. Около 30 000 наиболее употребительных слов. Москва : Словари XXI века «АСТ+ ПРЕСС ШКОЛА». 1452 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
4. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование : монография. Москва : МАКС Пресс, 2016. 411 с.
5. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев : учебное пособие. Москва, 1996. 96 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) 2-е изд. Москва : Высшая школа, 1972. 616 с.
7. Ермакова О. П. Ирония и проблемы лексической семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. Москва, 2002. Т. 61. № 4. С. 30–36.
8. Ермакова О. П. Об иронии и метафоре // Облик слова : сб. статей. Москва : Ин-т русского языка, 1997. С. 48–57.
9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва : МГУ, 1998. 528 с.
10. Коряковцева Е. И. Язык современной российской прессы: варваризмы и агротизмы как сигналы речевой агрессии // Współczesna komunikacja językowa. Prace. Slawistyczne 125 SOW. Warszawa, 2008.
11. Лагузова Е. Н. Синтаксические фразеологизмы с союзом хоть в современном русском языке / Е. Н. Лагузова, О. Н. Прокопова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. С. 8–10.
12. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 5. С. 44–48.
13. Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. Москва : Издательство МГОУ, 2002. 312 с.
14. Литературная энциклопедия: В 11 т. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 04.09.2020)
15. Меликян В. Ю. Очерки по синтаксису нечленных предложений : учеб. пособие. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2001.
16. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. Москва : Флинта, Наука, 2011. 160 с.

17. Русская грамматика : в 2 т / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Наука, 1980. Т. I. 783 с.
18. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4-х т. Т. IV. Москва : Русский язык, 1988. 800 с.
19. Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. : В 17 т. Т. XVII. Москва–Ленинград, 1965. 2126 с.
20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 2011. 1175 с.
21. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Москва : Русский язык, 1986. 543 с.
22. Шмелёв Д. Н. О синтаксической членимости предложения // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. Москва : Языки славянской культуры, 2002. С. 376–388.
23. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. Москва, 1986. С. 17–58.
24. Noailly Michèle. À propos Fabrice: nomination et ironie dans La Chartreuse de Parme // L'Information grammaticale. 1997. № 73. P. 32–35.
25. Schröder Daniela. Spilling some linguistic beans: on the syntactic flexibility of idioms // Within Language, Beyond Theories (Volume III). Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-based Studies/ Chapter 12. Cambridge Scholars Publishing. P. 190–205.
- Reference list**
1. Baranov A. N., Dobrovolskij D. O. Aspekty teorii frazeologii = Aspects of phraseological theory. Moskva : Znak, 2008. 656 s.
2. Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka = Complete Universal Dictionary of the Russian Language / pod red. V. V. Morkovkina. Okolo 30 000 naibolee upotrebiteľ'nyh slov. Moskva : Slovare XXI veka «AST+PRESS ShKOLA». 1452 s.
3. Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij kommentarij = Phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary/ отв. red. V. N. Telija. Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 s.
4. Velichko A. V. Predložženija frazeologizirovannoj struktury v russkom jazyke: strukturno-semanticeskoe i funkcional'no-kommunikativnoe issledovanie = Russian sentences with phraseological structure: a structural-semantic and functional-communicative study : monografija. Moskva : MAKS Press, 2016. 411 s.
5. Velichko A. V. Sintaksičeskaja frazeologija dlja russkih i inostrancev = Syntactic phraseology for Russians and foreigners : uchebnoe posobie. Moskva, 1996. 96 s.
6. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammaticeskoe učenje o slove) = The Russian language (the grammatical doctrine of the word). 2-e izd. Moskva : Vysshaja shkola, 1972. 616 s.
7. Ermakova O. P. Ironija i problemy leksičeskoj semantiki = Irony and problems of lexical semantics // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. Moskva, 2002. T. 61. № 4. S. 30–36.
8. Ermakova O. P. Ob ironii i metafore = On irony and metaphor // Oblik slova : sb. statej. Moskva : In-t russkogo jazyka, 1997. S. 48–57.
9. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka = Communicative grammar of the Russian language. Moskva : MGU, 1998. 528 s.
10. Korjakovceva E. I. Jazyk sovremennoj rossijskoj pressy: varvarizmy i agrotizmy kak signaly rečevoj agressii = The language of the modern Russian press: barbarisms and agroticisms as signals of speech aggression // Współczesna komunikacja językowa. Prace. Slawistyczne 125 SOW. Warszawa, 2008.
11. Laguzova E. N. Sintaksičeskie frazeologizmy s sojuzom hot' v sovremennom russkom jazyke = The language of the modern Russian press: barbarisms and agroticisms as signals of speech aggression / E. N. Laguzova, O. N. Prokopova // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2016. № 2. S. 8–10.
12. Lekant P. A. Kategorii racional'nogo i jemocional'nogo v russkom jazyke i russkoj reči = Categories of rational and emotional in the Russian language and Russian speech // Vestnik MGOU. Serija «Russkaja filologija». 2012. № 5. S. 44–48.
13. Lekant P. A. Očerki po grammatike russkogo jazyka = Essays on Russian grammar. Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2002. 312 s.
14. Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. = Literary encyclopedia: In 11 vols. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/> (data obrashhenija: 04.09.2020)
15. Melikjan V. Ju. Očerki po sintaksisu nechlenimyh predložženij = Essays on the syntax of indivisible sentences : ucheb. posobie. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost. gos. ped. un-ta, 2001.
16. Petrova N. E., Raciburskaja L. V. Jazyk sovremennyh SMI. Sredstva rečevoj agressii = The language of modern media. Expressing aggression. Moskva : Flinta, Nauka, 2011. 160 s.
17. Russkaja grammatika : v 2 t. = Russian grammar : in 2 vols. / gl. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Nauka, 1980. Т. I. 783 с.
18. Slovar' russkogo jazyka = The Russian language dictionary / pod red. A. P. Evgen'evoj : v 4-h t. Т. IV. Moskva : Russkij jazyk, 1988. 800 s.
19. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka = Dictionary of the Russian literary language / pod red. A. M. Babkina, S. G. Barhudarova, F. P. Filina i dr. : V 17 t. Т. XVII. Moskva–Leningrad, 1965. 2126 s.
20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proishozhdenii slov = Explanatory dictionary of the Russian language, including data on the origin of

words / otv. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Azbukovnik, 2011. 1175 s.

21. Frazеologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phrasеological dictionary of the Russian language / pod red. A. I. Molotkova. Moskva : Russkij jazyk, 1986. 543 s.

22. Shmel'jov D. N. O sintaksicheskoi chlenimosti predlozhenija = Onsyntactic sentence dividedness // Izbrannye trudy po russkomu jazyku / vst. st. L. P. Krysinina. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. S. 376–388.

23. Jakubinskij L. P. O dialogicheskoi rechi = On dialogic speech // Izbrannye raboty: Jazyk i ego funkcionirovanie. Moskva, 1986. S. 17–58.

24. Noailly Michèle. À propos Fabrice: nomination et ironie dans La Chartreuse de Parme // L'Information grammaticale. 1997. № 73. P. 32–35.

25. Schröder Daniela. Spilling some linguistic beans: on the syntactic flexibility of idioms // Within Language, Beyond Theories (Volume III). Discourse Analysis, Pragmatics and Corpus-based Studies/ Chapter 12. Cambridge Scholars Publishing. P. 190–205.

Статья поступила в редакцию 13.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 13.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.